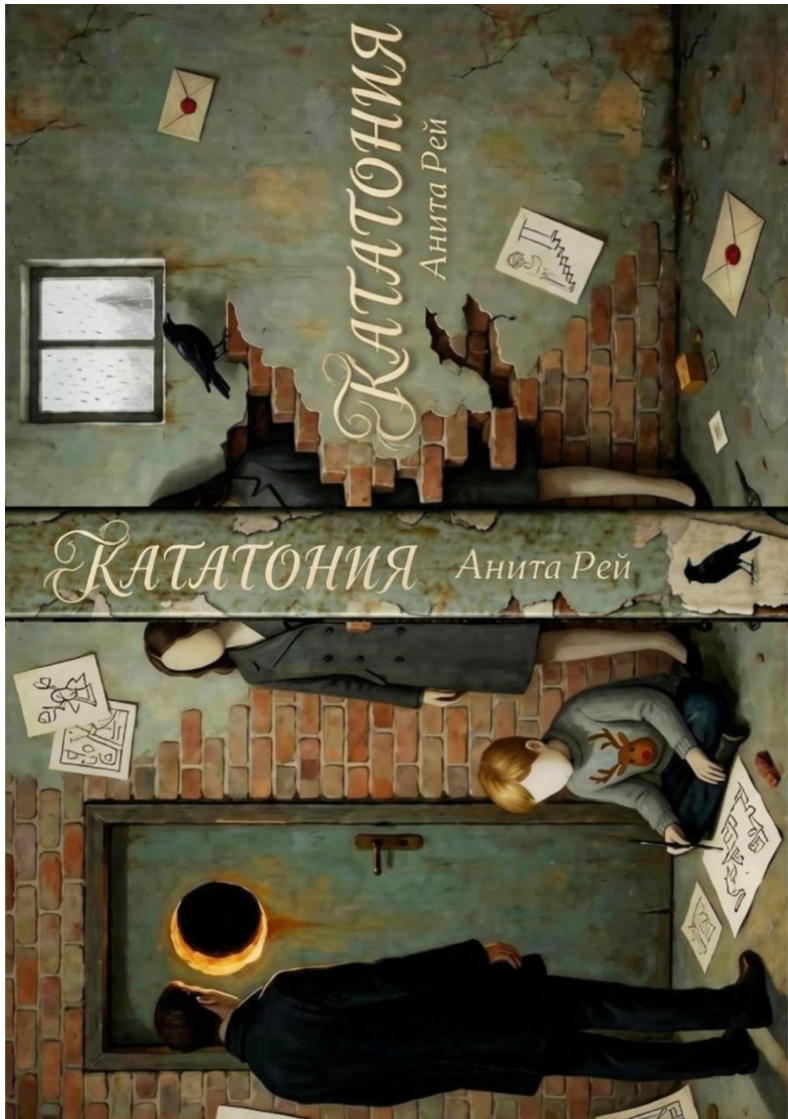

КАТАТОНИЯ

Анита Рей

КАТАТОНИЯ

Анита Рей

Анита Рэй

Кататония

<https://litres.ru/74573519>

SelfPub; 2026

Аннотация

Майкл Рэйн - психотерапевт, который каждый день ходит на работу одним и тем же маршрутом и ведёт группу пациентов, страдающих от страхов и навязчивых состояний. Он уверен, что знает, как им помочь. Он умеет слушать так, что люди начинают верить: их боль имеет значение.

Но однажды в его кабинете появляется женщина в сером пальто по имени Вера. Она не пациентка. Она утверждает, что знала Майкла ещё до его рождения - и что она приходила не только к нему. Постепенно привычный мир Майкла начинает трескаться: пациенты видят то же, что и он, прошлое возвращается обрывками, а реальность перестаёт отличаться от рисунка, сделанного в шесть лет.

Текст намеренно построен на повторах: сцены, фразы и целые эпизоды возвращаются, создавая ощущение замкнутого круга. Майкл раз за разом проходит один и тот же путь, но выход из него становится всё менее очевидным.

Это роман о памяти, страхе и о том, как легко перепутать помощь с чем-то другим.

Содержание

Акт 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Анита Рэй Кататония

Акт 1

Стеклянная стена

Дождь шел с самого утра, и к вечеру город стал похож на мокрую чёрно-белую фотографию, проявленную с ошибкой: слишком много серого, слишком много бликов, слишком много отражений. Люди текли по тротуарам, как вода в старых трубах, - быстро, беззвучно, по одним и тем же маршрутам. Манхэттен дышал выхлопными газами и паром из вентиляционных решеток, и в этом дыхании было что-то механическое, будто город не жил, а только имитировал жизнь.

Майкл Рэйн вышел из метро на 72-й улице и остановился на краю тротуара, глядя на поток машин. Он стоял так каждое утро в течение последних шести лет - ровно сорок секунд, чтобы перестроиться с подземного ритма на наземный. Он не знал, зачем это делает. Просто однажды поймал себя на том, что считает желтые такси, и с тех пор не мог перейти дорогу, пока не досчитает до сорока.

Сегодня он насчитал тридцать семь и сбился.

Это было первое предупреждение. Но он не придал ему значения. Не умел. Он вообще не умел придавать значение тому, что не имело названия.

Клиника «Лэнгли-центр» занимала двенадцатый этаж старого офисного здания между Бродвеем и Амстердам-авеню. Фасад его давно не мыли, и окна смотрели на улицу мутными глазами, за которыми угадывались жизни, такие же мутные. Внутри пахло линолеумом, кофе из автомата и чем-то едва уловимым - то ли лекарствами, то ли страхом, который напитал стены за десятилетия. Охранник Эрни сидел за стойкой и читал газету, не читая. Он поднял голову, кивнул Майклу и вернулся к колонке некрологов.

- Опять дождь, - сказал он, не спрашивая.

- Опять, - ответил Майкл.

Больше они не разговаривали. Это было их утреннее закливание.

В лифте Майкл смотрел на свое отражение в темном стекле. Из него смотрел человек, которого он знал лучше, чем кого-либо, и хуже, чем следовало бы. Темное пальто, влажные плечи, тонкая нитка шарфа. Лицо спокойное, но не расслабленное. Так выглядит человек, который давно научился не кричать, когда внутри все орет.

Двенадцатый этаж встретил его знакомой тишиной. Здесь было тише, чем на улице, но тишина эта была особого рода - вязкая, пропитанная чужими признаниями. Майкл прошел

по коридору, мимо закрытых дверей кабинетов, мимо стойки регистратуры, где медсестра Рита перебирала бумаги, мимо автомата с водой, который урчал, как старый кот.

- Доктор Рейн, вам передали сообщение, - окликнула Рита.

Он остановился, не оборачиваясь.

- Слушаю.

- Звонил ваш пациент, мистер Холланд. Сказал, что не придет в четверг. У него обострение.

- Понял. Спасибо.

Он не спросил, какое именно обострение. Потому что знал: если пациент не пришел, значит, он еще жив. А если пришел - значит, ему хуже, чем он говорит.

Кабинет 1204 был последним по коридору. Майкл открыл дверь и вошел, не включая свет. Полумрак был ему приятен. Он повесил пальто на крючок у двери, положил портфель на стол, подошел к окну. Вид из окна не менялся: кирпичная стена соседнего здания, кондиционеры, ржавые подтеки. Днем этот пейзаж выглядел как ошибка архитектора. Вечером - как метафора.

Он постоял минуту, глядя на стену. Потом включил свет.

Кабинет был обычным: письменный стол, два кресла, кушетка у стены, шкаф с папками, на стене - диплом и лицензия. Все аккуратно, все на своих местах. Единственное, что выбивалось, - детский рисунок, приколотый к доске над столом. На нем была лестница, ведущая вниз, и дверь без руч-

ки. Рисунок нарисовал пациент несколько лет назад. Майкл не знал, почему не выбросил его. Он просто привык. Иногда ему казалось, что рисунок следит за ним. Но он тут же одергивал себя: это не профессионально.

Сегодня был понедельник. День групповой терапии.

Группа собиралась раз в неделю, по вечерам. Майкл вел ее уже два года. Пациенты менялись, но костяк оставался: Клэр, Маркус, Джун, Эдди, Рамона. Каждый из них боялся чего-то своего, но вместе они составляли странный хор, в котором каждый голос звучал в своей тональности, а общий мотив был один - страх перед жизнью, которая оказалась больше, чем они могли вынести.

Майкл готовился к занятию недолго. Просмотрел записи, сделал пометки. Потом сел в кресло и закрыл глаза. Он не спал. Он просто отключался на несколько минут, как делает человек, который не может позволить себе устать.

В 18:30 в коридоре слышались шаги.

Первой пришла Клэр. Она всегда приходила первой, потому что боялась опоздать и оказаться в центре внимания. Она вошла тихо, как тень, села на свое место у окна и достала из сумки бутылку воды. Потом пришел Эдди - он ввалился с шумом, будто входил не в кабинет, а в бар. За ним - Маркус, молчаливый, собранный, как солдат перед строевой. Джун появилась в перчатках, хотя на улице было не холодно. Рамона села в углу и не подняла глаз.

Последним пришел Сэм, новенький. Он огляделся, кив-

нул всем сразу и сел у двери. У него было лицо человека, который не верит, что ему могут помочь, но продолжает приходить, потому что не знает, что еще делать.

Майкл открыл сеанс, как открывал всегда: спокойно, без лишних слов.

- Рад вас видеть. Начнем с того, кто хочет поделиться, как прошла неделя.

Повисла пауза. Группа не любила начинать. Это было похоже на игру, в которой все знают правила, но никто не хочет делать первый ход.

- Я могу, - сказала Клэр.

Она говорила о том, как снова не смогла зайти в лифт на работе и поднималась по лестнице на восьмой этаж. Голос ее дрожал, но она улыбалась, как будто извинялась за свое существование. Майкл слушал и кивал. Он умел слушать. Это было его главное умение. Он мог слушать так, что человек начинал верить: его боль имеет значение.

Потом заговорил Эдди. Он рассказывал, как увидел собаку на улице и перешел на другую сторону. Шутил, но в шутке было столько же страха, сколько в молчании Рамоны. Маркус отчитался коротко: неделя была нормальной. Джун пожала плечами. Сэм молчал.

Все шло как обычно.

А потом вошла она.

Дверь открылась без стука. Майкл поднял голову и увидел женщину, которую не помнил, но которая показалась ему

знакомой, как голос из сна, который забываешь при пробуждении, но не можешь выбросить из головы.

Она была в сером пальто. Мокром? Нет. Пальто было сухим. Это Майкл заметил сразу, хотя не мог понять, почему. На улице лил дождь, но женщина была сухая, будто не шла по улице, а появилась из самого воздуха, из отражения в мокром стекле, из темноты коридора.

- Добрый вечер, - сказала она.

Голос у нее был низкий, спокойный, без дрожи. Так говорят люди, которым нечего скрывать.

- Проходите, - сказал Майкл. - Мы как раз начали.

Она села в свободное кресло у окна. Не спросила, можно ли. Просто села, как человек, который знает, что это место его.

Клэр вздрогнула. Джун сжала перчатки. Сэм уставился на женщину, как на пустое место, которое вдруг обрело форму.

- Назовите свое имя, - попросил Майкл.

- Вера, - сказала она.

- Вера, рады вас видеть. Вы впервые в группе?

- Нет.

Пауза.

- Я здесь не впервые.

Майкл замер. Он не помнил ее. Но группа была открытой, пациенты приходили и уходили. Возможно, она была раньше. Возможно, он забыл. Возможно.

- Хорошо, - сказал он. - Тогда вы знакомы с форматом.

- Знакома, - ответила Вера.

Она смотрела на него. Прямо. Без улыбки. Без вызова. Просто смотрела, как смотрят на человека, которого знаешь слишком давно, чтобы что-то объяснять.

Майкл перевел взгляд на группу.

- Продолжим. Кто еще хочет сказать пару слов?

Рамона качнула головой. Маркус смотрел на Веру. Эдди пытался шутить, но шутка не вышла. Клэр не поднимала глаз.

- Тогда давайте поговорим о тишине, - предложил Майкл.

Тишина была сегодняшней темой. Он выбирал темы заранее, но иногда они приходили сами, как незваные гости. Эта тема пришла к нему вчера ночью, когда он лежал без сна и слушал, как в квартире гудит холодильник. Тишина. Что она делает с человеком.

- Я боюсь тишины, - вдруг сказала Джун.

Майкл посмотрел на нее. Она говорила редко, но когда говорила, это было важно.

- Я не могу заснуть, если в доме тихо. Поэтому у меня всегда работает телевизор. И радио. И вентилятор. Я боюсь, что если наступит тишина, я услышу то, что не должна.

- Что именно? - спросил Майкл.

- Не знаю. Может быть, правду.

Группа замерла. Это было слишком откровенно даже для этой комнаты. Майкл хотел развить тему, но в этот момент Вера пошевелилась. Она переложила руки на колени. Дви-

жение было легким, но от него повеяло холодом.

- Можно я скажу? - спросила она.

- Конечно.

Вера обвела взглядом группу. Потом остановилась на Майкле.

- Тишина - это не отсутствие звука. Это место, где живут те, кого мы не зовем.

Слова прозвучали странно, но никто не засмеялся. Даже Эдди. Даже Маркус. Все смотрели на Веру, как на человека, который сказал вслух то, о чем они боялись думать.

- Я не понимаю, - сказала Клэр.

- Понимаете, - сказала Вера. - Просто не хотите.

Тишина сгустилась. Майкл почувствовал, как в комнате стало холоднее. Или это только его ощущение. Он взглянул на часы. 19:23. До конца еще двадцать минут.

- Вера, - сказал он, - расскажите, почему вы пришли сюда. Чего вы боитесь?

Она повернула голову к нему. Глаза у нее были темные, почти черные, но не пустые. В них было что-то, отчего у Майкла пересохло во рту.

- Я не боюсь, - сказала она. - Я пришла, потому что вы меня забыли.

Слова упали, как камень в воду. По комнате пошли круги.

- Мы встречались с вами раньше? - спросил Майкл.

- Да.

- Когда?

- В этом кабинете. Только вы тогда были ребенком. Вы сидели на полу, рисовали. На вас был свитер с оленем. Вы боялись, что мама больше не придет.

Майкл почувствовал, как что-то оборвалось у него внутри. Не сердце. Не дыхание. А тонкая нить, на которой держалось его спокойствие.

В комнате стало очень тихо. Так тихо, что было слышно, как в коридоре гудит лампа. Клэр замерла. Джун сняла перчатки. Маркус смотрел на Майкла, как смотрят на человека, который вот-вот упадет.

- Это кабинет, - сказал Майкл. - Здесь не было детей.

- Был, - сказала Вера. - Один. Вы. И вы рисовали. Я сидела рядом и смотрела. Вы сказали, что боитесь лестницы. Я сказала, что лестница - это просто путь вниз. Вы ответили, что внизу - дверь. И что за дверью кто-то есть.

У Майкла похолодели пальцы.

- Я не помню этого.

- Я знаю, - сказала Вера. - Поэтому я пришла.

Она встала. Группа проводила ее взглядом. Вера подошла к двери, остановилась, обернулась.

- Вы не виноваты, что забыли. Но если вы не вспомните, будет хуже. Не вам. А тем, кого вы любите.

Она вышла. Дверь закрылась тихо, как будто ее и не было.

Майкл остался сидеть. Перед ним лежали записи, но он не видел их. Он видел только свитер с оленем, который мать вязала ему в детстве. Он помнил его. Помнил, как шерстяной

ворс покалывал подбородок. Помнил, как сидел на полу и рисовал. Но не помнил женщину в сером.

И это было страшнее всего.

После сеанса Майкл не пошел домой. Он спустился на первый этаж, к стойке охраны. Эрни смотрел на экран монитора, на котором в черно-белом квадрате застыл пустой коридор.

- Эрни, - сказал Майкл. - Мне нужна запись с камеры 1204.

Охранник поднял голову.

- Зачем?

- Я хочу проверить кое-что.

- Ладно. За какой период?

- Сегодня. С шести до восьми.

Эрни долго смотрел на него. Потом молча нажал несколько клавиш.

- Вот. Смотри.

Майкл склонился к экрану. На записи было видно, как в кабинет заходят пациенты. Как входит он сам. Как все рассаживаются. Как течет время.

Вера вошла в 18:47.

Она открыла дверь и вошла. На записи это выглядело обыденно: женщина в сером пальто, спокойная, уверенная. Она села в кресло. Поправила рукав. Подняла глаза — и посмотрела прямо в камеру.

И в этот момент Майкл заметил то, отчего ему стало по-

настоящему плохо.

На записи не было его реакции.

Он сидел за столом, перебирал бумаги, но не поднимал головы. Не видел, как она вошла. Не слышал, как она села.

Но в реальности он видел. Слышал.

Он поднял голову в 18:49. На записи в это время Вера уже сидела. Но в его памяти она только входила.

- Эрни, - сказал Майкл. - Прокрути назад.

Он смотрел еще раз. И еще.

Вера входила. Садилась. Смотрела в камеру. Поднимала руку. Медленно. Как будто махала. Как будто знала, что он будет смотреть.

- Ты в порядке? - спросил Эрни.

- Да, - сказал Майкл. - Все нормально.

Но это было не так.

Он вернулся в кабинет. Включил свет. Сел в кресло. На столе лежал блокнот. Он открыл его на последней странице.

Там было написано детским почерком, криво, карандашом:

«Она придет, только если я перестану бояться».

Майкл смотрел на эти слова. И впервые за много лет ему захотелось закричать.

Но он не закричал. Он аккуратно вырвал лист, сложил его и положил в портфель. Потом выключил свет и вышел из кабинета.

На улице все шел дождь. Город был мокрым, темным, рав-

нодушным. Люди спешили мимо, пряча лица под зонтами. Никто не смотрел на Майкла. Никто не знал, что в его портфеле лежит записка, написанная не его почерком, но его рукой.

Он дошел до метро. Спустился. Сел в поезд. Напротив него сидела женщина в сером пальто. Она улыбнулась. Поезд тронулся. На следующей станции ее уже не было.

Майкл закрыл глаза.

И увидел лестницу вниз.

Дверь без ручки.

И себя, маленького, в свитере с оленем, сидящего на полу и рисующего.

То, что осталось за дверью

Ночь не принесла облегчения. Она вообще редко его приносила. Майкл знал это давно, но каждый раз надеялся, что усталость окажется сильнее памяти. Так бывало не всегда. Чаще всего память побеждала.

Он лежал в темноте, слушая, как по стеклу стекает дождь. Звук был монотонный, как чужая молитва, - ровный, без начала и конца. Квартира молчала. Холодильник не гудел. Соседи не шумели. Только дождь. И тишина, которая, как сказала Вера, была не отсутствием звука, а местом, где живут те, кого не зовут.

Майкл не спал. Он не мог спать. Каждый раз, когда он за-

крывал глаза, перед ним возникала лестница. Каменные ступени, стертые чужими шагами. Перила, холодные на ощупь. И дверь. Всегда одна и та же. Коричневая, обитая старым дерматином, с круглым отверстием вместо ручки.

Он знал эту дверь. Знал всегда. Но не мог вспомнить, откуда.

В четыре утра он встал и пошел на кухню. Налил воды. Выпил. Вода была холодной, но не освежила. Он оперся о столешницу и посмотрел в окно. Там, за стеклом, лежал Нью-Йорк - черный, мокрый, прошитый огнями. Где-то в этом городе жили миллионы людей, и у каждого были свои двери, свои подвалы, свои лестницы вниз. Но Майклу казалось, что его дверь - единственная, из-за которой тянет сквозняком.

Он вернулся в спальню. Сел на край кровати. Достал из портфеля лист, вырванный из блокнота. Развернул. Записка лежала на ладони, как чужая кожа. Слова, написанные детским почерком, расплывались в полумраке.

«Она придет, только если я перестану бояться».

Он перечитал несколько раз. Почерк был его. Он узнавал нажим, наклон букв, манеру писать «т» с короткой палочкой. Но он не помнил, чтобы писал это. Не помнил, чтобы вообще думал об этом. И все же записка была здесь. В его блокноте. В его кабинете. На последней странице.

Майкл знал, что это невозможно. Он не ребенок. Он не страдает провалами памяти. Он психиатр. Он провел сотни

часов с пациентами, которые слышали голоса и видели то, чего нет. Он знал, как выглядит бред. Как пахнет психоз. Как звучит ложь, в которую верит сам лжец.

Но записка не была бредом. Она была бумагой. Ее можно было потрогать. Сложить. Спрятать. Она существовала.

И это пугало сильнее всего.

Утром он позвонил в клинику и сказал, что у него легкая простуда. Рита не поверила. Он слышал это по ее голосу. Но она не стала спорить. Просто сказала:

- Отдыхайте, док. Вы плохо выглядите.

Он не знал, как он выглядит. Давно не смотрел на себя. С некоторых пор зеркало в ванной стало для него чем-то вроде окна в чужую квартиру. Он чистил зубы, не поднимая глаз.

Вместо клиники он поехал в архив. Тот находился в цокольном этаже здания, где раньше располагалась старая психиатрическая лечебница. Теперь там был склад документов, пахнувший пылью и подгнившей бумагой. Работала там старуха по имени Ширли, похожая на высохшее дерево, - маленькая, седая, с глазами, которые видели больше, чем показывали.

- Мне нужны записи о детских пациентах, - сказал Майкл. Ширли не удивилась. Она вообще редко удивлялась.

- Период?

- Семьдесят восьмой. И девяностые. Все, что связано с лестницами, подвалами, женщиной в сером.

Ширли записала что-то в тетрадь, не поднимая глаз.

- Это займет время.

- Я подожду.

Он сел на стул у стены. Архив был тихим, как склеп. Стеллажи уходили вглубь, теряясь в полумраке. Пахло воском и старой бумагой. Где-то капала вода. Майкл смотрел на пол, на трещины в линолеуме, на тень от лампы. Он не думал. Он ждал.

Через час Ширли принесла три папки.

- Вот, - сказала она. - Это все, что есть по вашему запросу.

- Спасибо.

- Не спешите. Там есть то, что не все хотят видеть.

Майкл поднял глаза. Ширли смотрела на него с выражением, которое он не мог расшифровать. Не жалость. Не тревога. Скорее - знание.

Он открыл первую папку.

Внутри лежали рисунки. Детские. Выполненные карандашом, фломастерами, красками. На всех - одно и то же: лестница вниз. Дверь. Женщина в сером.

Майкл перелистывал их, и ему становилось все холоднее. Рисунки были похожи на его собственные. Тот же нажим, та же манера изображать ступени - криво, с нарушением перспективы, но с какой-то странной точностью. Мальчик с черным лицом. Женщина в сером пальто. Дверь без ручки.

Под рисунками - подписи. Имена пациентов. Возраст. Даты.

Один рисунок был без подписи. Только дата: 1987 год. И

пометка в углу, сделанная взрослой рукой: «Не идентифицирован. Возможно, не был пациентом».

Майкл перевернул лист. На обороте было написано карандашом:

«Она не тетя. Она - это я. Когда вырасту».

Его почерк. Его слова. Но он не помнил, чтобы говорил их.

Он отложил лист и долго сидел, глядя в стену. В голове шумело. Не мысли - а шум, как от старого телевизора, настроенного на мертвый канал.

Потом он вернулся к папкам. Во второй лежали записи о пациентке по имени «R.» - без имени, без адреса, без диагноза. Только несколько листов, исписанных убористым почерком. Он узнал почерк: Элиас Рот. Его старый научный руководитель.

«Пациентка R. Поступила 14 марта 1978 года. На первичном осмотре — спокойна, контактна. Отрицает наличие симптомов. Называет себя «Вера». Утверждает, что не является пациенткой. Требуется встречи с ребенком, которого еще нет. Прогноз неясен. Рекомендуются наблюдение».

Майкл перечитал. Еще раз. Еще.

«С ребенком, которого еще нет».

Вера приходила в 1978 году. За двадцать лет до его рождения. Она приходила к кому-то еще. Или к нему? К тому, кем он должен был стать?

Он закрыл папку. Руки дрожали. Он сжал их в кулаки, но

дрожь не ушла.

Ширли стояла у стеллажа и смотрела на него.

- Вы нашли, что искали?

- Не знаю, - сказал Майкл.

- Тогда не торопитесь. Иногда то, что ищешь, находит тебя само.

Он вышел из архива. На улице было серо. Дождь моросил, оседая на лице тонкой пленкой. Люди шли мимо, не поднимая глаз. Город шумел, но Майкл не слышал его. Он слышал только одно: голос Веры, который звучал у него в голове, как эхо.

«Вы не виноваты, что забыли. Но если вы не вспомните, будет хуже».

Он пошел пешком. Без цели. Просто вперед, сквозь толпу, сквозь светофоры, сквозь витрины, в которых отражалось его бледное лицо. Он шел и шел, пока не оказался перед зданием клиники. Он не собирался туда. Ноги сами привели.

Он поднялся на двенадцатый этаж. В коридоре было пусто. Рита уже ушла. Охранник, наверное, сидел внизу. Майкл отпер кабинет и вошел.

Внутри было темно. Он не стал включать свет. Прошел к столу, сел в кресло, положил руки перед собой. В окне напротив - все та же кирпичная стена. Она была мокрой от дождя, и по ней ползли темные потеки, похожие на медленные слезы.

- Зачем ты пришла? - спросил он вслух.

Тишина. Только дождь.

- Я не ребенок, - сказал он. - Я давно не ребенок.

И тогда за его спиной раздался голос. Тихий, но отчетливый:

- Ты ошибаешься, Миша.

Он не обернулся. Не мог. Тело словно налилось свинцом.

- Ты все еще сидишь на полу и рисуешь. Просто теперь ты рисуешь кабинет, в котором ты врач. Но дверь та же.

Майкл закрыл глаза.

- Почему я тебя вижу?

- Потому что ты перестал бояться. А когда ты перестаешь бояться, я прихожу.

- Я не переставал.

- Переставал. Сегодня ночью. Во сне. Ты спустился на одну ступень вниз.

Он обернулся.

Вера стояла у двери. В сером пальто. Сухая. Будто не было дождя, будто не было улицы, будто она все это время была здесь, в тени, и ждала, когда он ее позовет.

- Я не спал, - сказал Майкл.

- Спал. И видел дверь. И не испугался.

- Я не помню.

- Потому что память - это тоже дверь. Ты сам ее закрыл.

Вера шагнула вперед. Пол под ее шагами не скрипнул. Вообще ни звука. Только воздух стал плотнее, как перед грозой.

- Я не пришла тебя мучить, - сказала она. - Я пришла, потому что ты готов.

- Готов к чему?

- Вспомнить, что случилось, когда тебе было шесть лет.

Майкл сжал подлокотники кресла.

- Меня толкнули, - сказал он. - Отец толкнул. Я упал. Ударился головой.

- Это правда, - кивнула Вера. - Но не вся.

Она подошла ближе. Ее лицо было спокойным, но в глазах стояло что-то древнее, как вода в колодце.

- Ты не просто упал, Миша. Ты спустился. Я видела тебя. Ты дошел до двери. И открыл ее.

- Не может быть. Дверь была закрыта.

- Ты открыл ее, - повторила Вера. - А потом закрыл. И решил, что лучше забыть.

Майкл молчал. В горле пересохло. Он не верил ей. Но в груди росло что-то тяжелое, знакомое, как запах из детства.

- Что было за дверью? - спросил он.

Вера не ответила сразу. Она смотрела на него так, будто видела не взрослого мужчину, а маленького мальчика, который снова стоит на пороге.

- Ты узнаешь, - сказала она. - Когда придешь туда снова.

- Я не хочу.

- Но придешь. Потому что иначе она придет к тебе.

- Кто?

- Та, кого ты боишься больше всего.

И Вера исчезла. Не вышла. Не растворилась в воздухе. Просто перестала быть, как гаснет отражение в стекле, когда выключают свет.

Майкл остался один. В кабинете было тихо. Только дождь. Только стена за окном. Только его дыхание.

Он долго сидел, не двигаясь. Потом встал, подошел к шкафу, открыл нижний ящик. Там, под папками, лежал старый конверт. Он не трогал его много лет. Конверт был белый, без марки, с адресом, написанным от руки.

Адрес отца.

Майкл взял конверт. Положил в портфель. Вышел из кабинета.

В лифте он смотрел на свое отражение. На этот раз он не отводил глаз. Из темного стекла на него смотрел человек, который решил идти до конца.

Двери лифта открылись. Внизу, у выхода, стоял охранник Эрни.

- Док, - сказал он. - Вы опять наверх ходили? Вас не было.

- Был, - сказал Майкл.

- Нет. Я смотрел на камеры. Вы не заходили в лифт.

Майкл остановился.

- Что?

- Я видел, как вы прошли мимо меня десять минут назад. Поднялись пешком. Но на камерах - пусто. Только коридор. И дверь вашего кабинета. Она открылась сама.

Майкл посмотрел на Эрни. Тот был бледен.

- Ты уверен?

- Я не пью на работе, док. Я знаю, что видел.

Майкл ничего не ответил. Просто вышел на улицу. Дождь усилился. Холодные капли били по лицу, но он не чувствовал их. Он чувствовал только тяжесть конверта в портфеле. И взгляд, который, как ему казалось, не исчез. Будто за ним следили. Но не из окна. А изнутри.

Он поехал в Квинс.

Дом встретил его темнотой. Окна были слепые, как глаза, закрытые изнутри. На крыльце стоял мусорный бак. Калитка скрипнула. Майкл поднялся по ступеням и позвонил.

Дверь открылась не сразу. Сначала - шорох, потом - щелчок замка. На пороге стоял Говард. Он был в той же майке, что и в первый раз. В руке - стакан с чем-то темным. Глаза - мутные, но не сонные. Он смотрел на Майкла так, будто ждал его.

- Я знал, что ты вернешься, - сказал он.

- Мне нужно спуститься в подвал.

Говард усмехнулся. Усмешка вышла кривой.

- Ты и в детстве туда не любил ходить. Но шел. Всегда шел.

- Вы меня знали?

- Нет. Но дом знает. Он мне все рассказал.

Майкл не стал отвечать. Говард отступил, пропуская его внутрь.

В доме было темно и тихо. Пахло пылью и чем-то сладким. Телевизор наверху бормотал. Майкл прошел по кори-

дору к двери в подвал.

Дверь была закрыта. Ручки не было. Вместо нее - круглое отверстие, черное, как глаз.

- Она тебя пустит, - сказал Говард из-за спины. - Если ты не будешь бояться.

- Я не боюсь.

- Врешь. Но это хорошо. Она таких и ждет.

Майкл взялся за край двери. Она была теплой. Поддалась сразу, будто ее не запирали. За ней - темнота. Неподвижная. Плотная.

Он шагнул вниз.

Ступени были те же. Стертые. Холодные. Майкл спускался медленно, держась за стену. Сердце билось ровно, но где-то в глубине что-то дрожало. Страх? Нет. Другое. Ожидание.

Он дошел до низа. Включил фонарик на телефоне. Луч выхватил из темноты стены.

Они были покрыты рисунками.

Десятки, сотни. Везде - женщина в сером. Везде - мальчик с черным лицом. Лестница. Дверь. Свитер с оленем.

И в самом низу, под потолком, - надпись, сделанная детской рукой, но по-взрослому ровная:

«Она придет, только если я перестану бояться. А я уже перестал».

Майкл стоял и смотрел. На него глядели сотни нарисованных глаз. И все они были его собственными.

Он не помнил, как рисовал это. Но знал: это его рука. Его

страх. Его подвал.

Он прошел вглубь. Стены смыкались. Подвал становился уже, длиннее, чужероднее. Фонарь мигал. Пахло землей и воском. Впереди показался темный проем.

За ним - дверь.

Вторая.

Такая же, как первая. Без ручки.

На ней, в самом низу, было написано карандашом:

«Миша, не открывай. Я уже открыла за тебя».

Почерк матери.

Майкл протянул руку и толкнул.

Дверь открылась.

За ней был кабинет.

Его кабинет. Только старый. Без окна. С одним креслом.

И на кресле сидела Вера.

- Ты долго шел, - сказала она. - Я уже начала сомневаться.

- Я не шел. Я ехал на метро.

Она улыбнулась. Впервые. И от этой улыбки Майклу стало страшнее, чем от всех рисунков.

- Миша, - сказала она. - Ты еще не понимаешь, где ты.

- Где я?

- Внутри.

- Внутри чего?

- Внутри того, что ты нарисовал в шесть лет. И не стер.

Вера встала. Взяла с пола лист бумаги. Протянула ему.

Это был рисунок. Тот самый. Лестница. Дверь. Мальчик

с черным лицом. И фигура в сером пальто, стоящая рядом с ним. Но на этот раз у фигуры было лицо.

Лицо Майкла.

Взрослого.

Настоящего.

- Ты не помнишь, - сказала Вера. - Но ты уже открывал эту дверь. Тогда. В шесть лет. И то, что ты увидел, сломало тебя. Не отец. Не мать. А то, что за дверью.

Майкл поднял глаза.

- Что там было?

Вера подошла к нему. Близко. Так близко, что он почувствовал запах: дождь, воск, старая бумага.

- Ты сам, - сказала она. - Только настоящий.

И в этот момент фонарик погас.

Лицо за дверью

Темнота была не просто отсутствием света. Она была живой. Она дышала. Она обнимала его со всех сторон, как старая вода, как вязкая смола, как сон, из которого нельзя проснуться. Майкл стоял неподвижно, чувствуя, как холод поднимается от пола, проникает сквозь ботинки, сквозь кожу, сквозь кости. Он не мог пошевелиться. Не потому, что его держали. А потому, что он сам не хотел.

- Вера, - позвал он.

Голос прозвучал глухо, будто из-под одеяла. Темнота не

ответила. Только где-то впереди раздался звук - тихий, как вздох. Или как шаг. Босой ноги по холодному полу.

Майкл сжал телефон. Экран не включался. Он нажал кнопку несколько раз, но пальцы скользили, мокрые от пота. Наконец экран вспыхнул. Свет был слабым, но достаточным, чтобы выхватить из мрака ближайшие предметы.

Кресло. Пустое.

Вера исчезла.

Он повёл телефоном в сторону. Стены. Голые. Без рисунков. Без двери, через которую он вошёл. Её не было. Только ровная каменная поверхность, покрытая трещинами, как старая кожа.

Майкл обернулся. За его спиной - ничего. Ни входа, ни лестницы, ни намёка на то, откуда он пришёл. Только темнота, плотная, как чёрный занавес.

- Где ты? - спросил он.

На этот раз ответ пришёл. Но не от Веры. Из глубины, оттуда, где, как ему казалось, должен был быть стол.

- Ты сам хотел знать.

Голос был детский. Мальчишеский. Тихий, но отчетливый. Он звучал знакомо, и от этого у Майкла сжалось горло.

Он шагнул вперёд. Пол под ногами был каменным, но тёплым. Это было неправильно. Так не должно быть. Камень в подвале должен быть холодным. А этот - тёплый, как живое тело.

- Кто здесь? - спросил Майкл.

- Ты.

Он остановился. Свет от телефона дрожал.

- Я не ребёнок.

- Значит, ты забыл не всё.

Из темноты вышел мальчик. Ему было шесть. Может, семь. Худой, бледный, в серой футболке и джинсах. Волосы тёмные, слипшиеся от пота. Глаза — как у Майкла. Только больше. И в них не было страха.

- Ты рисовал меня, - сказал мальчик. - Все эти годы. Но с чёрным лицом. Чтобы не видеть.

Майкл смотрел на него, и в груди что-то ломалось. Не резко. А медленно, как старая ветка под тяжестью снега.

- Я не помню тебя, - сказал он.

- Помнишь, - ответил мальчик. - Просто не хочешь. Потому что если вспомнишь, то снова станешь мной.

- А что в этом плохого?

Мальчик подошёл ближе. Его шаги не издавали звука. Только тёплый воздух шевелился вокруг.

- Ты боялся меня всю жизнь, - сказал он. - Потому что я - это ты до того, как ты решил стать другим.

Майкл опустил руку с телефоном. Свет упал на пол, осветив трещины, похожие на паутину.

- Я не решал.

- Решал. Там, у двери. Когда открыл её. И увидел то, что не смог вынести.

Майкл почувствовал, как по лицу течет пот. Хотя было

холодно. Или нет. Он уже не понимал.

- Что я увидел? - спросил он.

Мальчик поднял руку и показал в глубину. Туда, где темнота была особенно плотной.

- Ты увидел, что за дверью нет никого. Кроме тебя. И это было страшнее всего.

Майкл не двигался. Слова мальчика падали в него, как камни в колодезь. Медленно. Глубоко. Без всплеска.

- Ты думал, что там будет мама. Или папа. Или кто-то, кто скажет, что всё будет хорошо. Но там был только ты. Маленький. Испуганный. Один. И ты не смог это принять.

- Замолчи.

- Поэтому ты закрыл дверь. И нарисовал меня с чёрным лицом. Чтобы не видеть. Чтобы забыть. Но я не забыл тебя. Я ждал. Я всегда тебя ждал.

Майкл зажмурился. Перед глазами - лестница. Дверь. Рисунки. Женщина в сером. И тишина, в которой не было ни одного голоса, кроме его собственного.

Когда он открыл глаза, мальчика не было.

Темнота снова сомкнулась. Только впереди, метрах в трёх, горел слабый свет. Лампа. На столе. В кабинете.

Майкл пошёл на свет. Ноги несли его, хотя он не хотел идти. Свет приближался. И вместе с ним - звук. Тихий, ритмичный. Как будто кто-то дышал.

Он вошёл в круг света.

За столом сидела Вера. Напротив неё - стул. Она показала

рукой.

- Садись, Миша.

Он сел. Ноги подгибались. Телефон выпал из руки и стукнулся об пол. Экран погас.

- Ты видел его, - сказала Вера. - Мальчика.

- Да.

- Это был ты.

- Я знаю.

- Не знаешь. Ты только начинаешь понимать.

Она положила перед ним лист бумаги. Тот самый рисунок. С лицом взрослого Майкла на фигуре в сером пальто.

- Ты всё время думал, что я - это то, что ты боишься. Но я - то, что ты не можешь простить.

- Я не понимаю.

- Понимаешь. Просто не хочешь признать. Я - ты, который перестал бояться. А мальчик - ты, который решил забыть. И всё это время вы жили в одном теле, как двое чужих людей, которые спят в одной постели и не разговаривают.

Майкл сжал кулаки.

- Чего ты хочешь?

- Ничего. Я не хочу. Я - это ты. Я могу только ждать, пока ты сам захочешь.

- Чего?

- Вернуться. Вниз. До конца.

Вера встала. Подошла к стене. Провела по ней рукой. Камень под её пальцами стал прозрачным, как вода, и Майкл

увидел то, что было за ним.

Комната. Его комната. В Квинсе. Старая. С кроватью у окна, с зелёным абажуром, с трещиной на потолке. И маленький мальчик на полу. Он рисовал. На рисунке - дверь. Та самая.

- Это было в ту ночь, - сказала Вера. - Перед тем, как отец толкнул тебя.

Майкл смотрел. Он не мог оторвать глаз. Мальчик рисовал. Медленно, сосредоточенно. Он не видел, что за его спиной стоит женщина в сером. Стоит и не дышит.

- Это ты? - спросил Майкл.

- Нет. Это то, что ты сделал, чтобы не сойти с ума. Ты создал меня. Чтобы кто-то был рядом. Чтобы не быть одному.

- Но я не помню.

- Потому что память - это дверь. Ты сам её закрыл. А ключ выбросил. Но я осталась. Я всегда остаюсь.

Вера повернулась к нему. Лицо её было спокойным, но в глазах стояли слёзы. Или это был отблеск света.

- Ты не болен, Миша. Ты просто очень давно не был собой.

Майкл встал. Ему вдруг стало невыносимо душно. Как будто воздух в подвале кончился.

- Я хочу уйти.

- Уходи. Дверь откроется. Но ты вернёшься. Потому что он тебя ждёт.

- Кто?

- Ты сам. Тот, кого ты оставил за дверью.

Она показала на стену. Изображение исчезло. Осталась только темная поверхность, в которой Майкл увидел своё отражение. Но не взрослое. Детское. С черными, как сажа, глазами.

Он рванулся назад. Нашупал дверь. Она была там, где мгновение назад её не было. Тёплая. Шершавая. С круглым отверстием вместо ручки.

Он толкнул её. Она поддалась.

Свет ударил в глаза.

Майкл вывалился в коридор дома. За спиной хлопнула дверь. Он стоял на коленях, вцепившись в пол. Дыхание рвалось из груди. Сердце колотилось так, что отдавало в виски.

В коридоре пахло пылью и старым деревом. Сверху доносился шум телевизора. Дождь стучал по крыше.

Он поднялся. Ноги дрожали. Руки были в пыли. Он посмотрел на дверь в подвал. Она была закрыта. Та же. Коричневая. Без ручки.

- Ты вернулся, - раздался голос.

Говард стоял в конце коридора, прислонившись к стене. В руке - стакан. Он смотрел на Майкла с тем же странным выражением, что и в первый раз. Не страх. Не жалость. Скорее - узнавание.

- Ты видела? - спросил Говард.

- Кого?

- Ее. Женщину в сером.

Майкл не ответил.

- Она и ко мне приходила, - сказал Говард. - В первую ночь. Села на кровать и сказала: «Не бойся. Ты здесь не навсегда».

- Вы ей поверили?

- А что мне оставалось? Она была права. Я здесь не навсегда. Никто не навсегда. Только она.

Майкл поднял с пола телефон. Экран треснул, но работал. На дисплее - 4:37 утра. Он не спрашивал себя, как вышло, что он провел в подвале несколько часов. Он просто принял. Как принимают всё, что не могут объяснить.

- Я уезжаю, - сказал он.

- Куда?

- К отцу.

Говард покачал головой.

- Не надо.

- Почему?

- Потому что он тебе не поможет. Он сам боится. Даже больше, чем ты.

- Откуда вы знаете?

- Он приезжал сюда. Лет десять назад. Стоял у двери. Плакал. Я слышал.

Майкл смотрел на старика.

- Он сказал, что виноват. Что не должен был тебя трогать. Но он не мог иначе. Она сказала ему.

- Кто она?

- Вера. Она и ему приходила. Только раньше. Еще до тебя.

Майкл отвернулся. В голове шумело. Все смешалось: подвал, кабинет, мальчик, отец, мать, женщина в сером. Он чувствовал, как внутри него медленно, но неумолимо открывается то, что он держал закрытым всю жизнь.

Он вышел из дома. Дождь кончился. Небо на востоке светлело. Воздух был сырым и холодным, но в нем уже чувствовался рассвет.

Майкл сел в машину. Посмотрел на себя в зеркало заднего вида.

Из зеркала на него смотрел не он. Вернее, он. Но с черными глазами.

Моргнул.

Отражение стало прежним.

Он завел двигатель и поехал.

Конверт с адресом отца лежал на пассажирском сиденье. Белый. Без марки. Он был старым, но бумага не пожелтела. Как будто написан вчера.

Майкл не открывал его. Он знал: если откроет, назад дороги не будет.

Он выехал на шоссе. Город просыпался. Первые автобусы, первые витрины, первые люди, которые шли на работу, не зная, что рядом с ними едет человек, который только что разговаривал с призраком собственного детства.

Или не с призраком.

С тем, кто ждал его за дверью.

Дорога к отцу

Шоссе тянулось на запад, разрезая Нью-Джерси пополам - серое по краям, черное в центре. Небо висело низко, как мокрое одеяло, и в его свете все казалось плоским, будто нарисованным на картоне. Майкл ехал молча. Радио не включал. Телефон положил в бардачок, чтобы не видеть экран. Он не хотел ни музыки, ни голосов, ни новостей. Он хотел только дорогу.

Дождь кончился, но асфальт был мокрым, и шины шуршали по нему с тем особым звуком, который бывает только ранним утром, когда мир еще не проснулся окончательно. Майкл смотрел на разметку. Белые полосы мелькали одна за другой, ритмично, как удары пульса. Он считал их, не отдавая себе отчета. Досчитал до ста, потом сбился и начал снова.

Конверт лежал рядом, на пассажирском сиденье. Белый, без марки, с адресом, написанным от руки. Почерк был женский. Мать. Она написала этот адрес много лет назад, но так и не отправила письмо. Майкл нашел конверт в ее вещах, когда разбирал квартиру после ее смерти. Тогда он не открыл его. Просто положил в коробку и убрал на антресоль. Он не мог. Не хотел. Боялся.

Теперь конверт лежал рядом, и Майкл чувствовал его присутствие, как чувствуют присутствие человека в темной комнате. Он не смотрел на него. Смотрел на дорогу. Но знал: конверт здесь. И рано или поздно придется его открыть.

Адрес был в городке под названием Мидленд-Парк. Майкл проверил по картам: сорок минут от Нью-Йорка, если без пробок. Он ехал уже час. Пробки были. Но он не торопился. Ему казалось, что чем медленнее он едет, тем больше времени остается на то, чтобы придумать, что сказать. Но слова не приходили. Внутри была пустота. Гладкая, как стекло.

Он съехал с шоссе на местную дорогу. Пейзаж изменился: вместо развязок и рекламных щитов появились деревья, заправки, маленькие дома с лужайками. Все было аккуратным, ухоженным, тихим. Так выглядит жизнь, которую кто-то наладил и больше не трогает.

Майкл остановился у заправки. Купил кофе. Не пил. Просто держал стакан в руках, чтобы согреться. Пальцы были ледяными. Он смотрел на дорогу, которая уходила вглубь городка, и думал о том, что отец, наверное, живет где-то там. В одном из этих домов. Смотрит телевизор. Пьет пиво. Может быть, спит. Может быть, умер. Но конверт говорил: жив. И Майкл знал, что это правда. Он чувствовал это так же, как чувствовал присутствие Веры. Не разумом. Чем-то другим.

Он вернулся в машину. Открыл навигатор. Ввел адрес. На экране появилась карта: зеленая линия, ведущая в тупик. Майкл тронулся с места.

Улица называлась Хартфорд-роуд. Она была тихой, узкой, застроенной одноэтажными домами с гаражами и флагами на крыльцах. Американский флаг, выцветший, висел на шесте у одного из домов. Майкл замедлил ход. Сверился с но-

мером. Остановился.

Дом был небольшой. Облезлый. Газон не стрижен, но не запущен. На крыльце - старый шезлонг, пепельница, кружка. В окне горел свет. Неяркий, желтый, как из прошлого.

Майкл выключил двигатель. Посидел минуту. Потом вышел. Воздух был холодным, влажным. Пахло прелыми листьями и дымом. Где-то вдалеке лаяла собака. Он подошел к двери. Постоял. Поднял руку, чтобы постучать. Но не постучал. Рука застыла в воздухе.

Он не знал, что скажет. Не знал, зачем пришел. Он просто стоял на крыльце дома человека, который когда-то был его отцом, и чувствовал, как внутри поднимается что-то тяжелое. Не злость. Не обида. Что-то более старое. То, что было до слов.

Он постучал.

За дверью - тишина. Потом шаги. Медленные, шаркающие. Замок щелкнул. Дверь открылась.

На пороге стоял старик. Седой, сгорбленный, в сером кардигане. Лицо у него было как старая карта: глубокие морщины, обвисшие щеки, глаза, которые видели слишком много и устали. Он смотрел на Майкла без удивления. Так смотрят люди, которые давно ждали гостя, но не знали, когда он придет.

- Ты вырос, - сказал старик.

Голос был низкий, с хрипотцой. Майкл помнил этот голос. Он слышал его в детстве. Голос человека, который говорил

мало, но когда говорил, в доме становилось тихо.

- Я приехал, - сказал Майкл.

Старик кивнул. Отступил в сторону.

- Заходи.

Майкл вошел.

Внутри пахло табаком, старой мебелью и одиночеством. В гостиной стоял диван с выцветшей обивкой, телевизор с толстым экраном, журнальный столик с газетами. На стене - ни одной фотографии. Часы на камине показывали 6:47. Майкл не знал, утро это или вечер. В доме время текло иначе.

Отец сел в кресло. Майкл остался стоять. Так было проще. Он чувствовал себя выше, хотя рост не имел значения.

- Зачем пришел? - спросил отец.

Голос был ровный. Без вины. Без защиты. Просто вопрос.

- Ты знаешь, - сказал Майкл.

- Догадываюсь.

Отец смотрел на него. Глаза были усталые, но не пустые. В них было что-то, что Майкл не мог назвать. Может быть, страх. Может быть, облегчение.

- Ты толкнул меня, - сказал Майкл.

Слова прозвучали тихо, но в доме стало еще тише.

- Да.

- Почему?

Отец молчал. Смотрел на свои руки. Они лежали на коленях, сухие, в старческих пятнах. Он долго смотрел на них, будто искал там ответ.

- Ты помнишь Веру? - спросил он наконец.

Майкл не ответил. Он не ожидал этого имени.

- Я тоже ее видел, - сказал отец. - В первый раз - за год до твоего рождения. Она пришла ко мне ночью. Села на кровать. Сказала: «У тебя родится сын. Он будет видеть меня. Ты должен его защитить».

Майкл сжал кулаки.

- Ты не защитил.

- Нет, - согласился отец. - Не защитил. Я пытался. Думал, что если ты забудешь - будет легче. Думал, что если я тебя толкну, ты ударишься, потеряешь память, и все пройдет. Как в кино. Как в дурацких фильмах, где человек падает с лошади и забывает все.

Он замолчал. Потом добавил тише:

- Я ошибся.

- Я не забыл, - сказал Майкл. - Я просто спрятал.

- Я знаю. Теперь знаю.

Отец поднялся. Подошел к шкафу у стены. Открыл дверцу. Внутри, на полке, лежала коробка. Деревянная, старая, с потертыми углами. Он достал ее и поставил на стол.

- Я хранил это, - сказал он. - Думал, что если ты когда-нибудь придешь, отдам. А если не придешь - сожгу.

Майкл смотрел на коробку. Она была небольшой, но почему-то казалась тяжелой. Так выглядят вещи, в которых лежит правда.

- Что там?

- Все, - сказал отец. - Все, что ты не помнишь. Все, что я хотел забыть.

Он снял крышку.

Внутри лежали фотографии. Черно-белые и цветные, выцветшие, с загнутыми углами. Майкл видел их впервые. Но узнал сразу.

На первой - молодая женщина. Мать. Улыбается. Рядом с ней - мужчина. Отец. Молодой, сильный, с теми же глазами, что у Майкла. Они стоят на фоне дома в Квинсе. Дверь открыта. Внутри - темнота.

На второй - мать одна. Она сидит у окна. Смотрит в сторону. Лицо у нее странное: как будто она слушает что-то, чего не слышат другие.

На третьей - Вера. Женщина в сером пальто. Стоит на улице, у входа в дом. Смотрит в камеру. Не улыбается. Просто смотрит.

Майкл взял фотографию. Поднес к свету.

- Это она.

- Да.

- Кто она?

Отец сел обратно в кресло. Взял стакан, отпил. Поморщился.

- Я не знаю, - сказал он. - Правда не знаю. Она приходила к твоей матери. Потом ко мне. Потом к тебе. Она не старела. Не менялась. Она просто была. Как погода. Как болезнь. Как что-то, что нельзя объяснить.

- Ты веришь в призраков?

- Я верю в то, что видел.

Майкл положил фотографию обратно. Взял следующую. На ней - он сам. Маленький. В свитере с оленем. Сидит на полу. Рисует. На рисунке - лестница. Дверь. Женщина в сером.

- Это я.

- Да.

- Кто сделал снимок?

Отец не ответил. Смотрел на фотографию. Потом сказал:

- Ты сам попросил. Сказал: «Пусть она запомнит».

- Кто она?

- Вера.

Майкл отложил фотографию. Внутри что-то сдвинулось. Не больно. Но тяжело.

Он сел на диван. Впервые за все время. Ноги не держали.

- Что было в подвале? - спросил он.

Отец долго молчал. Потом поставил стакан. Посмотрел на сына.

- Ты хочешь знать?

- Да.

- Тогда слушай.

Он заговорил. Медленно, как человек, который рассказывает историю, которую сам себе запрещал вспоминать.

- В ту ночь ты встал с кровати. Тебе было шесть. Ты пошел вниз. Я спал. Мать спала. Или делала вид. Ты открыл

дверь в подвал. Я услышал шаги. Спустился. Ты стоял перед второй дверью. Той, что без ручки. Ты сказал: «Она зовет». Я спросил: «Кто?» Ты ответил: «Ты знаешь».

Отец замолчал. Взял стакан. Но не выпил. Просто держал.

- Я испугался. Не за тебя. За себя. Потому что я тоже слышал. Тоже видел. И знал, что если ты откроешь дверь, то увидишь то, что видел я. А я не хотел, чтобы ты это видел. Я хотел, чтобы ты был нормальным. Чтобы у тебя была жизнь. Без нее.

- Без Веры?

- Без всего этого. Без подвала. Без дверей. Без того, что за ними.

- И ты толкнул меня.

- Да. Я толкнул тебя. Ты упал. Ударился головой. Я подумал: все. Теперь он забудет. Теперь будет как все.

- Но я не забыл.

- Нет. Ты не забыл. Ты просто стал другим. Ты перестал смеяться. Перестал говорить. Ты стал смотреть в стену. Мать говорила: «Он видит ее». Я говорил: «Нет. Он просто ушибся». Но я знал. Знал, что она осталась. Что она всегда была. И что я не смог ее прогнать.

Он замолчал. В доме стало тихо. Только часы на каминной полке тикали. Майкл смотрел на отца. На старика, который когда-то был для него всем. Который ушел. Который бросил. Который толкнул.

- Почему ты ушел? - спросил он.

- Потому что не мог, - сказал отец. - Каждый раз, когда я смотрел на тебя, я видел ее. Ты был как зеркало. Я не мог. Я сбежал. Как трус. Как все.

Он поднял глаза. В них стояли слезы. Но не жалости. Скорее - облегчения. Как будто он ждал этого разговора много лет.

- Я не прошу прощения, - сказал он. - Я не заслужил. Я просто хочу, чтобы ты знал: я не хотел тебе зла. Я хотел, чтобы ты жил. Но я не знал, как. Я до сих пор не знаю.

Майкл встал. Подошел к окну. За стеклом - улица. Тихая. Пустая. Где-то вдалеке проехала машина. Мир продолжал жить. Равнодушно. Как всегда.

- Что за дверью? - спросил он, не оборачиваясь.

Отец молчал. Долго.

- Ничего, - сказал он наконец. - За дверью - ничего. Пустота. Такая, что не выдержишь. Я видел. Один раз. И до сих пор не могу забыть.

Майкл обернулся.

- Тогда зачем она зовет?

- Не знаю. Может, чтобы ты убедился. Может, чтобы ты перестал бояться. Может, чтобы ты понял: то, что ты ищешь, - не за дверью. А в тебе.

Майкл взял конверт. Положил на стол. Отец посмотрел на него. Потом на сына.

- Это от нее?

- Да.

- Ты не открывал?

- Нет.

- Открой. Она хотела, чтобы ты прочитал.

Майкл смотрел на конверт. Белый. Без марки. С адресом, написанным рукой матери.

Он взял его. Провел пальцами по краю. Бумага была мягкой, теплой. Как кожа.

- Не сейчас, - сказал он.

Отец кивнул.

- Ты вернешься в Нью-Йорк?

- Не знаю.

- Она ждет. Вера. Она всегда ждет.

Майкл посмотрел на отца. Впервые за все время он увидел в нем не врага. Не чужого. А человека, который тоже был сломан. Только по-другому. И который так и не смог починиться.

- Я пойду, - сказал Майкл.

- Иди.

Он вышел из дома. На улице светлело. Дождь кончился. Воздух был свежим, как после долгого сна. Майкл сел в машину. Положил конверт на сиденье. Завел двигатель.

Он не знал, куда ехать. В Нью-Йорк? В Квинс? В клинику? Везде его ждало что-то. Или кто-то.

Он выехал на дорогу. Перед ним лежало шоссе - прямое, серое, бесконечное. Майкл смотрел на него и чувствовал, как внутри открывается что-то новое. Не страх. Не боль.

Что-то другое. Как будто дверь, которую он так долго боялся открыть, уже приоткрылась. И за ней не было пустоты. За ней был он сам.

Он нажал на газ.

Письмо

Он не поехал в Нью-Йорк сразу. Сначала - заправка на выезде из Мидленд-Парка. Кофе в пластиковом стакане, который обжигал пальцы и не согревал. Майкл сидел в машине, глядя на конверт, лежащий на пассажирском сиденье. Белый, без марки. Адрес отца, написанный рукой матери. Почерк был мелкий, аккуратный, с наклоном вправо. Так пишут люди, которые привыкли прятать себя в буквах.

Он взял конверт. Бумага была мягкой, как старая ткань. Под ногтем - легкий треск, будто конверт сопротивлялся. Майкл поддел край. Медленно. Потом разорвал.

Внутри - один лист. Сложенный вчетверо. Желтый по краям. Пахнет пылью и чем-то сладким. «Красная Москва». Души матери. Он не мог их забыть.

Он развернул письмо.

Почерк тот же. Только более неровный. Буквы дрожали, будто рука писала не в силах остановиться.

«Джеймс,

Я пишу тебе, хотя знаю, что ты не ответишь. Ты никогда не отвечал. Но я все равно пишу. Потому что если не напишу

- сойду с ума окончательно.

Я знаю, что ты боишься. Я тоже боюсь. Она приходит каждую ночь. Садится на край кровати и смотрит. Не говорит. Просто смотрит. Я спрашиваю: «Чего ты хочешь?» Она отвечает: «Чтобы ты не мешала».

Я не понимаю. Кому не мешала? Тебе? Ему? Ей самой?

Миша видит ее тоже. Он еще маленький, но он видит. Я знаю. Он рисует ее. На всех рисунках - женщина в сером. Я спрашивала врача. Он сказал, что это нормально. Что дети часто придумывают друзей. Но это не друг. Это что-то другое.

Я боюсь за Мишу. Боюсь, что она заберет его. Не физически. А как-то иначе. Сделает его таким же, как я. Пустым. Смотрящим в стену.

Ты ушел. Я не виню. Ты не выдержал. Я тоже не выдерживаю. Но я не могу уйти. Потому что если я уйду, кто останется с ним? Кто защитит?

Я знаю, что не защищу. Я слабая. Я всегда была слабой. Но я хотя бы рядом. Пока могу.

Если ты когда-нибудь прочитаешь это - знай: я не хотела, чтобы так вышло. Я хотела нормальную семью. Хотела, чтобы Миша смеялся. Хотела, чтобы ты не уходил. Но она пришла. И все сломала.

Не приходи. Не надо. Я справлюсь. Или не справлюсь. Но это уже неважно.

Прости меня. За все. За то, что не удержала. За то, что не

смогла быть той, кем ты хотел меня видеть.

Анна».

Майкл перечитал. Еще раз. Еще.

Письмо было датировано. Но не тем годом, когда умерла мать. Двадцать лет назад. Она написала его еще при жизни. Положила в конверт. Но так и не отправила. Значит, не хотела, чтобы отец знал. Или боялась.

Он сложил письмо. Убрал обратно в конверт. Положил во внутренний карман пальто. Ближе к телу. Как что-то живое. Завел машину.

Дорога назад была короче. Или так казалось. Майкл не смотрел по сторонам. Он видел только разметку. Белую. Ровную. Как строчки на бумаге. Он думал о матери. О том, как она сидела у окна. Как смотрела в стену. Как молчала. Он думал о том, что она тоже видела Веру. Каждую ночь. Годами. И никому не говорила. Даже ему.

Он думал о том, что, возможно, мать не была больна. Возможно, она просто видела. И это видение медленно убивало ее - не потому, что было страшным, а потому, что было одиноким. Никто не верил. Даже муж. Даже сын.

Майкл думал о себе. О том, что он стал врачом, чтобы объяснить ее. Но объяснить не смог. Потому что сам был таким же. Только спрятал глубже.

Он въехал в Нью-Йорк на закате. Город горел оранжевым. Стекла небоскребов отражали небо, и казалось, что весь Манхэттен горит изнутри. Майкл не поехал домой. Он

поехал в клинику.

В коридоре двенадцатого этажа было пусто. Рита ушла. Эрнст внизу, наверное, читал свой блокнот. Майкл отпер кабинет 1204 и вошел. Не включая свет. Сел в кресло. Положил конверт на стол. Посмотрел в окно. За стеклом - стена соседнего здания. Мокрая. Темная. Та же самая. Но теперь она не казалась метафорой. Она была просто стеной.

- Ты вернулся.

Голос. Тихий. Из-за спины. Майкл не обернулся.

- Ты всегда здесь, - сказал он.

- Не всегда. Только когда ты готов.

Вера вышла из тени у шкафа. Она была в том же сером пальто. Сухая. Спокойная. Она села в кресло напротив. Между ними - стол. На столе - письмо матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.